

Жаксылыков А.Ж.,

д. ф. н. профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aslanj54@mail.ru

ВОЗВРАЩАЯСЬ ВНОВЬ К «НЕИЗВЕСТНОМУ В НАСЛЕДИИ МУХТАРА АУЭЗОВА»

В статье анализируется содержание недавно опубликованной книги «Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова», в которой получили отражение неизвестные и малоизвестные материалы, протоколы собраний, заседаний партийных и советских органов, касающихся личности М.О. Ауэзова, решения комиссий, стенограммы обсуждения тех или иных произведений писателя. Данные материалы вносят ощутимый вклад в современное литературоведение, историю литературы, придают новый импульс деятельности ученых, посвятивших свои труды творчеству М.О. Ауэзова. В статье осуществляется обзор данных материалов и типологическая характеристика в соответствии с современными взглядами и подходами.

Ключевые слова: эссе, романтика, документ, архив, литература, полемика, протокол, стиль, интерпретация.

Zhaksylykov A.Zh.,

Doctor of Science, Professor, of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: aslanj54@mail.ru

Returning again to the «Unknown in the heritage of Mukhtar Aueзов»

The article analyzes the content of the recently published book «The Unknown in the Heritage of Mukhtar Aueзов», which reflected unknown and little-known materials, minutes of meetings, meetings of party and Soviet bodies concerning the personality of M.O. Aueзов, decisions of the commissions, transcripts of the discussion of certain works of the writer. These materials make a tangible contribution to modern literary studies, literary history, give new impetus to the activities of scientists who have devoted their works to the works of M.O. Aueзов. The article provides a review of these materials and typological characteristics in accordance with modern views and approaches.

Key words: essay, romance, document, archive, literature, controversy, protocol, style, interpretation.

Жақсылықов А.Ж.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры, ф. ф. д.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aslanj54@mail.ru

М.Әуезовтың белгісіз мұрасы» туралы ойлар

Мақалада өткен жылда жарық көрген «Мұхтар Әуезовтің белгісіз мұрасы» кітабының мазмұны талданған, ол белгісіз және зерттелмеген материалдардың, кездесулер хаттамаларының, партияның және кеңес органдарының, комиссияның шешімдерін, жазушының белгілі бір туындыларын талқылаудың транскрибы болып табылады. Бұл материалдар заманауи әдебиеттануға, әдеби тарихқа елеулі үлес қосып, М.О. Әуезов шығармаларына өз жұмыстарын арнаған ғалымдардың қызметіне жаңа серпін береді. Мақалада қазіргі заманғы көзқарастар мен тәсілдерге сәйкес осы материалдар мен типологиялық сипаттамаларға шолу жасалған.

Түйін сөздер: эссе, романс, құжат, мұрағат, әдебиет, пікірталас, хаттама, стиль, түсіндіру.

Введение

За последние десять лет значительно активизировались исследовательские поиски в области ауэзоведения. В значительной мере это связано с инициативами Мурата Ауэзова, как известно, сына великого писателя, общественного деятеля, культуролога, основателя «Фонда Мухтара Ауэзова». За период деятельности этого фонда вышли в свет весьма примечательные книги, пролившие дополнительный свет на жизнь и творчество М.О. Ауэзова, приоткрыв неизвестные страницы из его творческой биографии, которые, безусловно, привлекут внимание и как исследователей, так и широкого читателя. Это связано с тем, что нам бесконечно дорого все, что связано с именем выдающегося художника слова, создавшего главную книгу в истории казахской литературы XX века – эпопею «Путь Абая».

Все эти публикации – достаточно крупные, некоторые фундаментальные по объему материала и информационному охвату. Среди этих публикаций наиболее заметные издания, это – энциклопедия «Мұхтар Әуезов» (Aueзов, 2011), «Родословное древо Мухтара Ауэзова» (Muminov, 2011), «Фатима» (Zhanuzakova, 2010), труд Н. Анастасьева «Мухтар Ауэзов» (Anastasiev, 2006), его же книга «Трагедия триумфатора» (Anastasiev, 2007), анализируемый нами сборник архивных материалов «Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова» (The Unknown in the heritage of Mukhtar Aueзов, 2013), и конечно же – эпопея «Путь Абая» в новом переводе, осуществленном известным писателем и переводчиком Анатолием Кимом (Aueзов, 2007). Эти издания в той или иной степени восполняют малоизвестные и недостаточно изученные грани жизни М.О. Ауэзова, например, в книге «Фатима» открываются интересные, очень значимые факты личной жизни писателя, поведенные сыном писателя в своем сказе об отце и матери. Книги Н. Анастасьева «Мухтар Ауэзов», «Трагедия триумфатора» на сегодняшний день являются самыми обстоятельными и целенаправленными исследованиями в форме живописных эссе о жизни классика казахской литературы. Особенно ценно для нас то, что они осветили малоизученные этапы творческого пути М.О. Ауэзова в трудные 20-30-е годы XX века, когда молодому писателю пришлось пережить гонения и тюремное заключение сроком почти два года. Эти материалы представляют значительный интерес в виду своей социальной и эстетической значимости.

Безусловно, XX век – это наиболее драматическая и насыщенная экстремальными событиями эпоха в истории казахского народа, да и не только казахского, но и всех этносов, что входили в состав СССР. Колоссальный масштаб этой страны, размах военно-экономического и индустриального строительства, идеологический котел, неуклонно переваривавший менталитет сотен народов и этносов, вошедших в советскую державу, воинственная риторика руководителей и идеологов всех мастей, подавляющая любой иной голос, стратегия, нацеленная на мировой охват, волны жестоких репрессий, безжалостно трансформируемое население, выступающее в качестве глины, и массовые чистки всех и вся – все это говорило о нацеленности сверхгосударства существовать тысячи лет. А в реальности хватило его всего на семьдесят лет. Казахский народ принес на алтарь этого Молоха XX века неисчислимые жертвы, достаточно назвать поголовное истребление национально-реформаторского, политического движения Алаш, голодоморы 1919 и 1931-32 гг., сократившие население наполовину, расстрелы и ссыльные этапы 1936-37 гг. Весьма красноречивым документом, зафиксировавшим эти разрушительные катаклизмы, является документальная повесть В. Михайлова «Хроника великого джута» (Mikhailov, 1996: 60).

Жестокая, бескомпромиссная деятельность полпредов СССР, строителей социализма, новых нищанцев, по локоть в крови шагавших по горам трупов, ломавших и крушивших «национальные дома» сотен этносов и народов, говорила только об одном – их бесповоротной уверенности в победе светлого будущего, которое икупит и оправдает все. Каждодневная жизнь национальной творческой интеллигенции в республиках СССР проходила на фоне этой грозной, нередко губительной деятельности легионов полпредов и уполномоченных создаваемого социально-политического монстра, особенно бдительных следивших за каждым шагом писателей и мастеров искусства в регионах и краях, всегда подозреваемых в уклонизме и буржуазном национализме, а то и шпионской деятельности. Читая книгу «Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова», мы не должны забывать, что писатель практически каждый день ожидал повторного ареста и не сомневался в том, что рано или поздно это произойдет. У него не было никаких иллюзий насчет подоплеки истинной деятельности властей и карательных органов советской державы по наведению порядка в стране и борьбе с «ро-

димыми пятнами капитализма и феодализма». К числу наивных и несведущих романтиков революции его никак нельзя отнести. Вместе с тем с годами, особенно в пятидесятых годах в его сознании стало укрепляться ощущение, что социализм в советской стране победил окончательно, и этот строй утвердился надолго. Многие детали и штрихи из выступлений М.О. Ауэзова на различных обсуждениях его произведений дают основание делать такой вывод.

Материалы книги «Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова», в том числе драматические страницы, связанные с обсуждениями пьесы «Хан Кене», романа «Абай», (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 159-194; 247-282), показывают, какими рискованными были эти обсуждения, поскольку выступления некоторых критиков граничили с политическими обвинениями или фактически были таковыми. Они свидетельствуют о том, что жизнь Мухтара Ауэзова практически до последнего года была пронизана тревогой и беспокойством за свою свободу.

Значительная часть книги состоит из протоколов различных заседаний партийно-правительственных органов по актуальным вопросам внутренней политики, и эти документы, так или иначе, касаются личности М.О. Ауэзова. В этом плане привлекает внимание «Протокол №11 заседания президиума Киробкома РКП от 15 февраля 1922 года». Данный документ красноречиво свидетельствует о проблемах голода, который охватил население в начале двадцатых годов, и о мерах, которые принимались для решения этого вопроса. Докладчиком на этом заседании был М.О. Ауэзов. Приведем фрагмент из этого Протокола: «Слушали: 3. О положении в Уральской губернии. (Докладчик тов. Ауэзов). Голод усиливается тем, что даже то продовольствие, которое центром и «Ара» посылается, приходит к месту назначения с большим опозданием. Органы Помгола только в последнее время приступили к выработке основных методов в оказании помощи степному населению. Произведена большая работа в смысле поднятия активности кирработников в борьбе с голодом. Главное внимание обращено на заготовку семян. Уральская губ. прикреплена к Акмолинской губ., что при плохом состоянии транспорта, по мнению местных работников, почти срывает посевкомпанию. Положение совучреждений ужасное: нет денег, нет пайка...» (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 37).

Данный документ с его канцелярским косным языком говорит о том, что М.О. Ауэзов был непосредственно вовлечен в деятельность по оказанию помощи голодающему населению в Казахстане, а масштабы бедствия были велики. Уже в 1918 и 1919 г. голодом были охвачены большинство регионов республики. В. Михайлов пишет об этом так: «В марте 1919 г. Т. Рыскулов выступил на 7-м Чрезвычайном съезде Советов с докладом Центральной комиссии по борьбе с голодом в Туркестане. Он сказал, что среди 970 000 учтенных голодающих три четверти составляют киргизы-кочевники и одну четверть – оседлые жители, а всего страдают от истощения около двух миллионов людей» (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013:65).

1933 г. Вторая волна голодомора 1931-32 гг., пройдя по Казахстану, словно шторм, унесла половину населения республики (первая волна была в 1918-19 гг.). Районы и области Центрального, Северного, Восточного Казахстана были опустошены, в сотнях недавно созданных колхозах уже не было людей, некому было жить в городках из брошенных, мертвых юрт. А Крайком ВКП (б), как будто никакого катаклизма не было, принимает на своем заседании от 16 октября 1933 года пафосное торжественное решение «О создании Красной книги колхозов Казахстана»: «1... В красной книге должны быть художественно воспроизведены и показаны передовые колхозы, ударники социалистического животноводства и социалистических полей Казахстана. 2. К работе по созданию красной книги вовлечь широкие массы советских писателей Казахстана. 3. Для собирания материалов по созданию красной книги командировать в колхозы следующих, изъявивших желание советских писателей сроком на один месяц... 1. Беков...8... Сейфуллин...16 Ауэзов». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 43)

Тотальная война по переустройству общества, бескомпромиссная борьба против инакомыслящих, политические компании по разоблачению врагов, протекающие вполне в духе логики И.В. Сталина, мол, кто не с нами, тот против нас, с каждым годом должны были только обостряться, набирать обороты. Поэтому совершенно неудивительно, что на различных собраниях и заседаниях коллективов и уполномоченных, посвященных культурной политике, все громче звучат хлесткие обвинительные ярлыки. Вот образец таких документов: «Протокол совещания при Культпропе Крайкома ВКП (б) о положении Казахского Научно-Исследо-

вательского Института Национальной культуры от 5 января 1934 г... Тов. Кабулов в своем выступлении отметил, что КИНК вызван к жизни необходимостью культурного строительства в Казахстане... (*сокращения наши* – А.Ж.) Ближайшие задачи КИНКа: изучение национального искусства, литературы и языка, теоретическая работа над грамматикой и поэтикой, преодоление в этой области Байтурсуновщины, выявление творческого лица национального театра, работа над историей казахского театра». [The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 47] Как мы знаем по истории тех роковых лет, преодоление *Байтурсуновщины* привело к уничтожению самого А. Байтурсунова, а также многих выдающихся деятелей науки, литературы, искусства.

Не утихает на этой волне борьба и в самом литературном фронте. Об этом свидетельствует «Протокол №28» Заседания президиума ССПК от 23.12.1935 года: «...Постановили: Климович в своей рецензии обрушивается на ряд крупнейших писателей Казахстана, квалифицируя их как бывших контрреволюционеров. При этом Климович ставит знак равенства между Ауэзовым, который действительно принимал участие в алаш-ординском движении, и Сейфуллиным, который имеет отдельные ошибки, но всецело всегда оставался на позиции пролетариата и принимал активное участие в работе по советизации аула и других мероприятиях партии. Старейшие в Казахстане члены партии Майлин и Жансугуров тоже никогда не были контрреволюционерами. Правда, они ошибались известное время, находясь под влиянием алаш-ординской идеологии...». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 52)

В таком же духе составлен «Протокол №1 заседания президиума ССПК от 8/1-36 года». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 54-55) С точки зрения осмысления судьбы учебника М.О. Ауэзова «История казахской литературы», серьезную значимость имеет документ – письмо НАРКОМПРОСА КРАЙКОМУ, в которой изложена просьба пересмотреть вопрос о «наложении ареста» на данное издание в кол. 10 000 экз. Наркомпрос республики в тот период считал, что книгу все-таки можно издать, снабдив профессиональным предисловием. (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 76) Как известно, добросовестно, со знанием дела написанная книга была арестована и изъята из внедрения в образовательный процесс по причине того, что в ней были главы, посвященные

запретным темам казахского фольклора, например, эпосу «Едыге», поэзии периода Зар Заман, поэзии, в которой фигурировали имена ханов, Кенесары, Аблая и т.д. (Auezov, 1991:60,195) Таким образом из истории казахской литературы были вымараны важнейшие темы и периоды, и белые пятна в ней оставались вплоть до девяностых годов XX века.

В отчаянной попытке спасти свою книгу от уничтожения, в своем заявлении «АПО крайкома ВКП (б)» М.О. Ауэзов пишет: «Теперь я сторонник социально-политического метода исследования литературы. Тогда применял смешанные методы и, главным образом, придерживался метода культурно-исторического... (*сокращения наши* – А.Ж.) Разве не принесут пользу для марксистского литературоведения труды Пыжина, Синявского своими поэтическими сведениями, хотя почти каждая страница их трудов полна упоминаниями о Боге и Царе... А если взять казахскую литературу, то помимо приведенной общей предпосылки, фактически мы не знаем ни одного европейского ученого, который посвятил бы себя историко-литературному изучению казахского словесного творчества. Также мало опыта и у самих казахов. Поэтому если не в качестве учебника, то, по крайней мере, как литературный труд – должен был бы увидеть свет по одному тому, что из всего прошлого казахского народа богато представленной, единственно заслуживающей внимания областью духовной культуры, является только его словесное творчество». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 78) Эти попытки не спасли важный труд, задававший направление всей литературоведческой науке Казахстана на десятилетия. Учебник М.О.Ауэзова был изъят из оборота, и он находился в запретной зоне до самых девяностых годов, когда началась перестройка. Такова была сила идеологического мракобесия Центра и страх политиков-перестраховщиков в республике.

С точки зрения изучения тактики М.О. Ауэзова, пытающегося выстроить свою линию ученого-литературоведа, писателя, желающего изучать родную литературу и тюркологию, и в то же время демонстрировать лояльность власти предрержащим, с подозрением косящимися на него с каждым его шагом, очень интересно «Заявление Наркомпрому просвещения тов. Джандосову» с просьбой направить его в г. Ташкент или Москву для работы «в библиотеках университетских городов». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 95-96) Эта тактика – прак-

тически постоянное балансирование на лезвии бритвы станет со временем гранью характера великого писателя и ученого, практически единственно выжившего из когорты так называемой алашской интеллигенции, свято служившей национальной культуре и духовности.

Поэтому мы с пониманием должны относиться к такому документу как письмо «Полномочному представителю ОГПУ в КАССР тов. Каруцкому» от 20 апреля 1932 г., помеченному в архивах как (Дело №10 Секретной части Казрайкома ВКП (б) оперативно-докладные записки), из строк которого нетрудно увидеть, что Ауэзов посылает голову пеплом, каясь перед партией большевиков в своих ошибках и преступлениях. В нем черным по белому написано: «Характерные для моей прошлой литературной деятельности произведения как «Энлик-Кебек», «Кара Коз», отражающие далекий от современной революционной действительности быт казахов, представляли собой по выбору тем как сознательный уход от революционной тематики в лагерь националистических писателей, которые националисты, в том числе и я, овладев в период с 22 по 28 и часть 29 гг. органами печати в Казахстане и отчасти в гор. Ташкенте, влияли на массы читателей в духе узко-националистическом, проводили организованное воздействие на тех же читателей через литературные произведения, через соответствующую критику развитию националистического настроения среди молодежи, идя принципиально вразрез с задачами и стремлениями коммунистической партии и сов. власти перевоспитать эти массы и эту молодежь в духе интернационализма. Я не одобряю теперь не только исключительный выбор подобных тем, но и характер и способы их освещения, пути художественно-идеологического оформления их». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 99-100)

На наш взгляд, весь этот документ, его стиль производят впечатление некой диктовки, во всяком случае влияния какого-то редактора исключать нельзя. Также нельзя не заметить, что по положениям этот документ перекликается с покаянным письмом М. Ауэзова, опубликованным в июне 1932 г. в «Казахстанской правде». Во всяком случае в своем обстоятельном исследовании Н. Анастасьев отмечает: «Понятно, что Ауэзов не сам придумал свое «Заявление» – такова цена свободы. Поначалу он даже рассчитывал откупиться подешевле – частным письмом на имя тогдашнего председателя Совнаркома Казахстана Исаева. Не вышло – идеологам борь-

бы с «буржуазным национализмом» требовалась как можно более широкая аудитория. Так письмо и превратилось в газетную публикацию, даже правку пришлось внести, правда, несущественную». (Anastasiev, 2007: 246)

Приведем некоторые строки из этого письма: «Я хочу открыто и искренне объявить о своем полном и безоговорочном отказе и резком осуждении своего прошлого... (сокращения наши – А.Ж.) Характерные для моей прошлой литературной деятельности произведения, как «Энлик-Кебек», «Каракоз», отражающие далекий от современной революционной действительности быт казахов, представляли собой по выбору тем, как сознательный уход от революционной тематики в лагерь националистически настроенных писателей... Большинство из известных моих трудов как романтические произведения, были далеки от романтики революционной и от революционного освещения героики прошлого. Наоборот, с большинством из этих произведений, наряду, правда, с изблечением некоторых позорных институтов прошлого, с частичным идейным разоружением сторонников их, я по существу оказался одним из явно выраженных националистически настроенных писателей...». (Anastasiev, 2007: 245)

Положение Ауэзова в тридцатых и сороковых годах неустойчиво, ледяные поветрия бьют то с одной, то с другой стороны. Порой возникает грозная ситуация, и тогда Ауэзов предпринимает поистине рискованные, а то и отчаянные попытки спасти себя и свое творчество. Не прекращаются атаки врагов, стремящихся свести счеты с писателем, который некогда был связан с Алаш Ордой, произведения которого, в частности такие творения, как «Лихая година», «Красавица в трауре», «Хан Кене», выходят за мыслимые, по их представлению, рамки. 24 октября 1937 года Ауэзов пишет письмо первому лицу республики Л.И. Мирзояну: «В номере 42-м за 20 октября в органе Союза советских писателей Казахстана в газете «Казах адебиети», редактируемой Жароковым Таиром, напечатана редакционная подвальная статья под заголовком: «Почему не сходятся слова и дела Ауэзова?»... (сокращения наши – А.Ж.) Вопиюще несправедливо и пристрастно многое и многое в содержании этой статьи. Не самокритика, помогающая, ведущая, а полное, необоснованное, безответственное избиение и истребление меня как советского писателя. И это в органе Союза писателей, который в эти же дни, с другой стороны, делает мне предложение перейти к ним на

работу!» (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 102-103 с.)

По этому документу мы еще раз убеждаемся в том, что писателю каждодневно приходилось бороться не сколько за Истину, это было бы большой роскошью для тех лет, сколько за простое человеческое выживание. И так было много лет.

Наиболее острым, политически мотивированным обвинением подвергся М.О. Ауэзов в связи со своей пьесой «Хан Кене», нападки продолжались десятилетия спустя после первой постановки пьесы на сцене театра. Об остроте критики свидетельствует лексика высказываний писателей, коллег Ауэзова по литературному цеху. Приведем фрагмент из редакционной статьи официального органа Союза Писателей Казахстана газеты «Қазақ әдебиеті»: «Әуезовтың комедия деп жазған «Айман-Шолпанын» алайық. Осы пьесаның өзінде де саяси астары қалың, өзіндік төсегі жұмсақ, ескі байшылдық, феодалдық қоғамды дәріптейтін, соны жұртшылыққа елестеткісі келген сарыны.

«Хан Кене» пьесасын да ойланбай ешбір мақсатсыз жазды, ешбір мақсатсыз сахынаға шығарды деп айтуға кімнің аузы бара алады. Әуезов бірлі-жарым шығармасында ғана «қателесіп» отырған жоқ, совет жұртшылығына, совет жастарына жала жауып, ескілікті дәріптегенін оның барлық шығармаларынан көреміз. Олай болса Әуезовтікі тек қана андамай қалғандықтан кеткен қателер емес, бүкіл жазушылық системасына тамырын жайып, орын алған идеясының сабағы». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 106)

Эксперимент

Наиболее серьезными с информативной точки зрения являются стенограммы обсуждения двух произведений М.О. Ауэзова, пьесы «Хан Кене» и романа «Абай». Рассмотрим «Стенограмму совещания при отделе культуры и пропаганды ленинизма крайкома ВКПб по разбору пьесы Ауэзова «Кене-Хан» от 8-го мая 1934 года. Крайне любопытна позиция, которую отстаивает М.О. Ауэзов, она отчетливо выражена в следующих его словах: «Прежде всего, по его основному пункту записки, которую он написал в Наркомпрос. Там сказано, что пьеса претендует на показ борьбы казахского народа с царизмом. Пьеса на это не претендовала и не претендует. Каждое историческое событие может быть показано с разных сторон. Кто может сказать, что

смутное время на Руси всецело отражено в «Борисе Годунове» Пушкина? Кто может сказать, что «Война и мир» 1812 года полностью отражено у Толстого. Или, например, если мы напишем поэму о Турксибе, все равно весь Турксиб не будет показан. И я ставил себе идеей – с известной точки зрения показать именно падение ханов, случайное получение ханства, настроения различных родовых кучек, вроде Муссы, Шегена и т.д., у которых мы имели ясную ориентацию на Китай, Россию и т.д., и кучка его выдвигает на ханство, и он в начале пьесы получает это ханство». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auezov, 2013: 133)

Исходя из этих слов, мы видим, что Ауэзов сознательно дистанцируется от, казалось бы, выгодной для него точки зрения критики ханства в пьесе, которая защитила бы его от нападок обвинителей. Он формулирует совершенно естественную для нашего времени позицию безусловного права писателя на авторскую точку зрения, авторскую концепцию истории. При этом он обоснованно ссылается на знаменитые произведения А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, аргументируя, что даже такие универсальные гении литературы не могли претендовать на всеохватный показ и объективную интерпретацию исторического события, сыгравшего исключительную роль в судьбе народа, или исторической личности.

От печально известной полемики в Казахстане прошло более чем полвека. Между тем современное литературоведение полностью отстаивает право писателя на авторскую концепцию и активную интерпретацию изображаемого. В.Е. Хализев пишет: «Интерпретация – это избирательное и в то же время творческое (созидательное) овладение высказыванием (текстом, произведением).

При этом деятельность интерпретатора неминуемо связана с его духовной активностью. Она является одновременно и познавательной (имеет установку на *объективность*), и субъективно направленной: толкователь высказывания привносит в него что-то свое. Говоря иначе, интерпретация (в этом ее природа) устремлена и к постижению, и к «досотворению» понимаемого» (Halizev, 2007: 129)

Однако полпреды вульгарного социологизма той эпохи не признавали ни вольнодумия, ни авторского субъективизма, к тому же сознание местных чиновников от литературы и культуры было придавлено страхом перед Центром и желанием перестраховаться на всякий случай. Поэ-

тому желание Ауэзова пойти по следам Пушкина и Толстого встречается местными перестраховщиками на штыки, оно просто неприемлемо. То есть М. Ауэзову запрещено то в авторском мышлении, что было совершенно естественно для Пушкина и Толстого в царскую эпоху.

Обосновывая свою позицию, Ауэзов всячески подчеркивает, что он далек от попыток возвысить и идеализировать хана Кенесары, именно в этом упорно обвиняли некоторые оппоненты, понимая, что подводят писателя под статью. Ауэзов подчеркивает: «И я показываю крушение этих его идей и думаю, что при объективной оценке товарищи не могут обвинить меня, что есть идеализация Кенесары. Например, Кенесары развенчивается именно его окружением, собственным братом, который признается в самый критический момент встречи с братом». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 134) Одним из критиков Ауэзова был популярный в народе поэт С. Сейфуллин. Во-первых, в своем выступлении он показывает предысторию движения Кенесары Касымова, во-вторых, он прочерчивает правильную линию, которой, якобы, должен был придерживаться Ауэзов, чтобы не сбиться с должного политического курса оценки движения Кенесары Касымова: «Надо показать движение казахов против царизма, которое хотел использовать Кенесары для восстановления ханской власти. Это надо сказать. Хан хотел использовать это массовое движение против царизма. Это движение не прекращалось 100 лет... (сокращение наше – А.Ж.) Второй раз он нападает на Кокчетав. Здесь он нападает силами казахов, которых он восстановил против царизма. Он хотел использовать движение казахов против царизма. Кенесары был другом казахов, и вот это надо показать, а не показывать настоящий период, когда Кенесары погибает». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 138-141)

Историк С. Асфендияров, сам затем ставший жертвой сталинизма (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>), также критикует пьесу М. Ауэзова, но с другого плана, в частности усматривая в произведении мотивы, пробуждающие националистические чувства: «Если подойти с этой точки зрения, то сюжет выбран самый неудачный: момент борьбы казахов с киргизами. Здесь этот момент, даже при хорошем театральном оформлении, даже настроение нездоровое, националистического порядка, и это мы замечаем у публики... (сокращение наше – А.Ж.) Что надо было требовать от автора? Во-первых, надо было исходить

из того, что он должен показать обязательно историю революционного движения. Надо сказать, что автор стоит на рельсах, он хотел показать падение ханства, борьбу народа с этим ханством, но этого у него не вышло. Вместо этого он построил пьесу, где показывает хана и его сподвижников, батыров и главным образом падение хана, борьбу киргизов и казахов». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 143-145). Выступление С. Асфендиярова в основном построено на рекомендациях по доработке пьесы с целью усилить ее народный, направленный против хана и его власти характер. Поэтому Асфендияров обращает внимание на ошибки Ауэзова, который, по его мнению, отклонился от нужного социального и политического русла разоблачения и развенчания хана Кенесары. «А ведь это, между прочим, последние акты и здесь нужно было показать не то, что люди мобилизуются на борьбу за хана, здесь нужно было показать и завершить падение хана, а то, что они попали к киргизам, это не должно довлеть над тем, что хотел показать театр. В основном осталось то, что Кене-хана победили киргизы, это у него в трактовке основное, – Кене-хан подавлен и в основном не как антикенеханское движение, а подавлен киргизами». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 149)

Результаты и обсуждение

На позициях последовательной партийной критики Ауэзова стоит и Тогжанов, требуя показать классовую сущность Кенесары Касымова, он считает, что в пьесе писатель не достиг задуманной цели: «На сцене все-таки красной нитью проходит идеализация этого Кене, все-таки проходит герой Кене и даже Наурызбай...». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 150) И в итоге он резюмирует, что «пьеса требует коренной перестройки...». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 152)

Писатель С. Ерубает призывает к показу только правды, особенно исторической правды. Он взялся разграничить натурализм от принципа правды, но, судя по его выступлению, правда – это показ изображаемого с точки зрения «данного момента, с точки зрения пролетариата». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 153) Поэтому его призывы выглядят настойчивой декларацией печально известного социологизма в эстетике.

Кабулов завершает дискуссию, пытаясь выстроить систему обобщений и итогов. Он до-

мысливает логику авторского замысла, выходя, в конце концов, к решению, как надо переработать пьесу: «Единый замысел пьесы автор сам рассказал, – чтобы показать распад ханского дома Аблая. Это идейный замысел. Замысел хороший, но дело в том, что по автору получается одно, а по постановке, по показу этой самой пьесы получается другое. Ханский род на сцене выходит героем, уходит со сцены героем. Объективно так получается. Дальше – умирает герой. Это недостаток пьесы... (сокращения наши – А.Ж.)»

Что надо было сделать? Если действительно автор задался целью показать падение ханского дома Аблая, он должен был показать, что этот ханский дом обречен был на гибель... В каком направлении должно идти исправление. Конечно, исправление пьесы должно идти не в таком направлении, чтобы написать новую пьесу. Надо показать падение ханского дома, но на основе чего? На основе столкновения этого ханского строя с русским самодержавием, киргизами и недовольствием самих масс. На этой основе

надо пересмотреть пьесу». (The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov, 2013: 154-155)

Заключение

Таким образом, практически подавляющее большинство участников обсуждения выступили принципиальными оппонентами М. Ауэзова, трактуя пьесу в вульгарном классовом, партийном духе, некоторые высказывания, как было показано выше, граничили с тяжелыми политическими обвинениями против писателя. Ведь они обвиняли Ауэзова в идеализации хана и его клана, следовательно, феодального строя в целом. И это в 1937 году. В словах наиболее строгих оппонентов ощущается неприкрытая тенденциозность, непримиримость, неприятие позиции писателя, корректно напомнившего о праве художника на определенную концепцию истории, авторскую философию. Остается удивляться тому, как после такого обсуждения не был немедленно арестован энквэдэшниками и не уведен ими из зала М.О. Ауэзов.

Литература

- Ауэзов М. – Алматы: Атамұра, 2011. – 688 б.
 Муминов А.К. Родословное древо Мухтара Ауэзова. – Алматы: Жибек жолы, 2011. – 304 с.
 Фатима (дневники, воспоминания, стихи, статьи, интервью) сост. М. Жанузакова. – Алматы: Жибек жолы, 2010. – 416 с.
 Анастасьев Н. Мухтар Ауэзов. – М.: Молодая гвардия – ЖЗЛ, 2006. – 447 с.
 Анастасьев Н. Трагедия триумфатора. – Алматы: Атамұра, 2007. – 504 с.
 Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова (архивные документы). – Алматы: Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2013. – 400 с.
 Ауэзов М. Путь Абая/ пер. А. Кима. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2007, кн. 1. – 470 с.; кн.2. – 454 с.; 2009, кн.3. – 420 с.; кн. 4. – 448 с.
 Михайлов В. Хроника великого джута. – Алматы: Жалын, 1996. – 400 с.
 Ауэзов М. Әдебиет тарихы. – Алматы: Ана тілі, 1991. – 240 б.
 Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая Школа, 2007. – 405 с.
<https://ru.wikipedia.org/wiki/>

References

- Anastasiev N. (2006). Muhtar Auevov. [Mukhtar Auevov]. Moscow: Young Guard, 447 p. (In Russian)
 Anastasiev N. (2007). Tragedia triumfatora. [The tragedy of the victor]. Altamy: Atamura, 504 p. (In Russian)
 Auevov M. (2007). Puti Abaia. [The Path of Abai]. Almaty: Zhibek Zholy, 470 p. (In Russian)
 Auevov M. (2011). Muhtar Auevov. Enziklopedia. [Mukhtar Auevov. Encyclopedia] Almaty: Atamura, 688 p. (in Kazakh)
 Auevov M. (1991). Adebiet tarihe. [The history of literature]. Almaty: native language, 240 p. (in Kazakh)
 (2013). Neizvestnoe v nasledii Muhtara Auevova. [The Unknown in the heritage of Mukhtar Auevov]. Almaty: Olzhas Library, 400 p. (In Russian)
 Mikhailov V. (1996). Hronika belikogo dzhyta. [The Chronicle of the Great Jute]. Almaty: Zhalyln, 400 p. (In Russian)
 Muminov A.K. (2011). Rodoslovnnoe drevo Muhtara Auevova. [The family tree of Mukhtar Auevov]. Almaty: Zhibek Zholy, 304 p. (In Russian)
 Zhanuzakova M. (2010). Fatima. Dnevnik, vospominania, stihi, statii, interviu [Fatima. diaries, memoirs, poems, articles, interviews]. Almaty: Zhibek Zholy, 416 p. (In Russian)
 Halizev V.E. (2007). Teoria literature. [Literature Theory]. Moscow: Higher School, 405 p. (In Russian)
<https://ru.wikipedia.org/wiki/>

(Продолжение статьи следует – А.Ж.)